

ЗАХАР ПРИЛЕПИН

ЗАХАР ПРИЛЕПИН

**НЕКОТОРЫЕ
НЕ ПОПАДУТ
В АД** роман-фантазмагория

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П76

Оформление переплёта — *Виктория Лебедева*

Прилепин, Захар.

П76 Некоторые не попадут в ад : роман-фантазмагория / Захар Прилепин. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 382, [2] с. — (Захар Прилепин. Live).

ISBN 978-5-17-115486-8

Захар Прилепин — прозаик, публицист, музыкант, обладатель премий «Большая книга», «Национальный бестселлер» и «Ясная Поляна». Автор романов «Обитель», «Санькя», «Патологии», «Чёрная обезьяна», сборников рассказов «Восьмёрка», «Грех», «Ботинки, полные горячей водкой» и «Семь жизней», сборников публицистики «К нам едет Пересвет», «Летучие бурлаки», «Не чужая смута», «Всё, что должно разрешиться. Письма с Донбасса», «Взвод».

«И мысли не было сочинять эту книжку.

Сорок раз себе пообещал: пусть всё отстоится, отлежит-ся — что запомнится и не потеряется, то и будет самым главным.

Сам себя обманул.

Книжка сама рассказала, едва перо обмакнул в чернильницу.

Известны случаи, когда врачи, не теряя сознания, руководили сложными операциями, которые им делали. Или записывали свои ощущения в момент укуса ядовитого гада, получения травмы.

Здесь, прости господи, жанр в чём-то схожий.

...Куда делась из меня моя жизнь, моя вера, моя радость?

У поэта ещё точнее: «Как страшно, ведь душа проходит, как молодость и как любовь»».

Захар Прилепин

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-115486-8

© Прилепин З.
© ООО «Издательство АСТ»

До Бати было — рукой подать. Мы соседствовали. Казарму нашему свежесобранному разведовательно-штурмовому батальону определили поздней осенью. Местом расположения стала разворованная в хлам ледяная гостиница, носившая имя чешской столицы и торта.

Гостиница действительно была похожа на старый, подсохший, надрезанный торт.

Скульптура солдата Швейка — слева от стеклянных дверей — располагалась почему-то посреди клумбы: словно солдат, не успевавший вернуться в расположение по нужде, побежал отлить на травку — и окаменел, настигнутый окриком небесного дежурного.

Только сейчас вспомнил — скажу, пока не забыл, потом уже не до них будет: в батальоне служили две чеха, добровольцы. Один — огромный, бородатый, совершенно бандитского вида, приписан-

ный к группе быстрого реагирования, еле по-русски говорил, я поначалу думал — чечен; но нет, мне сказали: чех. Комбат назначил его следить за порядком, потому что наша ГБР реагировала в основном на залётчиков внутри бата; так эта орясина была своих совершенно безжалостно. Другой — мелкий, молчаливый, немного, кажется, бестолковый. Я всё собирался, встретив их на улице, пошутить: ваш, мол? — кивая на Швейка и показывая тем самым, что в курсе их национальных героев.

Это было бы трогательно, накоротке, интернационально. Я бы себе нравился в эту минуту; хотя делал бы вид, что хочу нравиться им, чешским ополченцам. Они бы потом, годы спустя, на самом склоне отседевших и осыпающихся лет, рассказывали бы своим внушчатым чешским внукам, заметив портрет Швейка в учебнике по литературе: «...а вот у нас был командир — знал Швейка, подмигивал: “...мол, ваш?” — да и сам командир что-то писал, стишки то ли прозу, фамилию только его забыл, на Ленина похожа...»

«Командир погиб, дедушка?»

«Да, внучок, мы все погибли, я тоже погиб».

Хотя чехи Швейка, кстати, не очень любят — считают пародией на себя.

Но глядя на этих двух — чеха-громилу и тихого чеха, — ничего хоть отдалённо напоминающего солдата Швейка ни в одном из них разглядеть не мог. Если пародия — то не похожая.

...Многие месяцы проползали как ночные поезда — вроде, шум был, но тьма ж вокруг, ничего тол-

ком не разглядишь, только тревога, запах мазута, плохой сон; теперь оглянулся и вижу: так и не выказал чехам свою осведомлённость, начитанность, а заодно человечность.

Два батальонных года был занят, как оценившаяся собака: метался, принюхивался, что-то вечно тащил в зубах, бессмысленно глядя скисшими от натуги глазами себе под ноги.

Собственный батальон оказался зверской заботой.

Чехи не помню, когда появились; сразу их не было.

Большую часть батальона составили луганские ребята. Многие пришли из личного спецназа Плотницкого — луганского главы, похожего на внебрачного ребёнка северокорейского генерала и заведующей продмагом брежневских времён.

Луганских я мало знал; а костяк батальона был нацбольский — нацболов знал получше, я сам был в молодости хулиган, нацбол, размахивал красным знаменем и кричал «Смерть буржуям!».

(Буржуи делали вид, что не слышат команды; не умирали. Нацболов сажали за решётку и при смутных обстоятельствах умертвляли куда чаще.)

Остальных в наш бат мы добрали из осколков других донбасских подразделений, перебитых либо разогнанных. Получился красивый, разномастный букет, я держал его в охапке: пахло русским полем, по которому прошёл беспощадный табун, всё сжёг, всё вытоптал, лютики-мои-цветики, одолень-трава.

Не воевавших среди нас почти не было; может, три, может, два человека — случайных. Это уже потом, краем уха, я слышал разговоры, что попадают дурни, не умеющие разбирать автомат.

Но по большей части бойцы у нас служили духовитые, идейные; хотя многие, как положено ополченцу, беспутные — одна жена в Луганске, вторая в Ростове, третья на той, за линией разграничения, стороне, а вообще: пошли бы все эти бабы к чертям, надоели.

Ополченец, весело убегающий от перепутавшихся баб, — частый случай. Но без убеждённости в том, за что стреляешь, на одной распре с потенциальной вдовой, — много не навоюешь. Женщины были далёким фоном; на фон не оглядывались; о женщинах почти не говорили.

Россиян среди бойцов было мало: я, комбат — позывной Томич, командир разведки — Домовой, дюжина нацболов, казак Кубань с Кубани, несколько бывших ментов, и ещё два гэрэушника на подходе к пенсии, с позывными Касатур и Кит, — здоровенные мужики, один вроде русский, другой восточный (может, якут, может, башкир, — я на глаз не отличаю). У каждого из гэрэушников — по триста прыжков с парашютом. Зачем они пришли в ополчение, я так и не спросил; потом начштаба Араб просветил, что им вроде бы на работе (где? в ГРУ?!) сказали, что день за три пойдёт, если до пенсии дотянуть на донбасских фронтах. Забыл уточнить, правда ли это, — а то до сих пор кажется ерундой: чего они, со справ-

кой отсюда туда поехали бы, в свой отдел кадров? — «Давайте пенсию, мы дослужили!»

Кит теперь не знаю где, а Касатура убили; спросить не у кого. Батальона тоже нет, гостиницы нет, республики той, в запомнившемся, как на лучшем фото, виде, нет. Швейк один стоит, ледяной.

...Но это сейчас, а тогда ещё всё было.

Помню день: оружия наспех испечённому батальону, хоть и причисленному уже к полку спецназа, — не выдали, формы тоже ещё не выдали; я заявился через неделю-другую после подписания приказа о создании нашего подразделения, заглянул в гостиницу, в смысле в казарму: по ней ходили серые от холода, тоскливые от голода мужики, смотрели волками, страдали от недокура — нет такого слова? — ну, пусть будет, очень нужное слово: когда человеку хочется курить, а он не накуривается, потому что нечем. Было бы чем — накурился бы.

Денег вообще ни у кого не имелось. До первой зарплаты оставалось три недели.

Меня никто в лицо не узнавал.

Я прошёлся по бывшим номерам гостиницы, — даже батареи смотрели так, словно хотели загрызть кого-нибудь и сами замёрзли больше людей.

На кроватях лежали бойцы, не открывавшие глаз и не шевелившиеся при нашем с комбатом появлении.

— Они мёртвые? — спросил я всерьёз. — Или муляжи?

— Устали, — ответил комбат. Он даже самые маленькие слова произносил быстро. Словно разгонялся, чтоб сразу сказать много слов, но они тут же кончались.

Промёрзшие занавески выглядели увесисто: в них можно было трупы заворачивать и бросать хоть в море, хоть в шахту, хоть в кратер — ничего трупу не будет: сохранится как новенький.

На подоконниках стояли пустые, примёрзшие банки из-под консервов, со вдавленными в них чинариками, докуреными до размера ноготка.

Кто-то из бойцов, ещё не заснувших до весны, смуро спросил у меня: «А нет покурить» — безо всякой надежды, без знака вопроса на конце фразы; я вытащил из кармана сторублёвку, дал, — боец на полмига ошалел, но тут же собрался, хватанул купюру (я почувствовал пальцы подсохшего утопленника), спрятал в карман, пока никто не видел; но заприметили тут же ещё двое-трое стоявших в коридоре без движения: словно зависших в бесцветной паутине, — и когда первый вдоль стены пошёл-пошёл-пошёл (в Донецке на сторублёвку можно было купить четыре пачки чудовищных, табака лишённых, убивающих кентавра, сигарет) — эти двое-трое, спутавшиеся до неразличимости друг с другом, похожие на ходячих, зыбучих мертвецов, потянулись за ним.

Ещё одну сторублёвку у меня никто спросить не решился. Я выглядел пришлым, что-то проверяющим, явившимся из тёплого мира.

Форма на мне была отличная, непродуваемая, красивая: «Бундесвер»; в моём кармане лежали пачка сторублёвок, пачка тысячерублёвок, пачка пяти-тысячных. Я был обеспечен — но только до той степени, чтоб подобным образом рассовать по карманам купюры. Вообще же при мне была едва ли не четверть всей налички, заработанной к сорока годам.

Всю недвижимость — две квартиры, дачу и машину, — уезжая насовсем, я переписал на жену: ей нужнее; меня убьют, а они будут жить, повесят папин портрет на стену: семья.

Из признаков роскоши имелась только собственная машина: мой бодрый, непотопляемый «круизёр».

Когда эти — серые, ходячие, трое — вышли из расположения, они увидели на улице большой, чёрный, тогда почти совсем новый джип: номер — три пятёрки, а буквы — НАХ. Случайно такие номера попались, клянусь первой прочитанной книжкой.

Помимо моего «круизёра», на целый батальон к тому моменту приходилось всего две легковушки: ржавые, побитые, доживающие последнюю зиму. На одной из них возили комбата, Томича.

Короче, я посмотрел на всё это, отщипнул комбату половину одной из пачек, чтоб батальон хотя бы до первого построения дожил, и в тот же вечер снял себе дом.

Дом был нужен.

Помимо забот со свежееобразованным батальоном пристылых мертвецов, у меня имелось множество других дел; в казарме эти дела было не порешать.

К тому же я собирался уговорить, уломать свою женщину, мать своих детей, приехать, наконец, ко мне, жить со мной: сколько можно одному мыкаться в этом прекрасном городе, пронизанном канонадой (ничего тут поэтического нет: стреляли каждый день).

Сделал звонок — прямо в секретариат Главы Донецкой народной республики: никем не признанной, но существующей страны, где я уже год на тот момент жил и служил, в которую верил как в свет собственного детства, как в отца, как в первую любовь, как в любимое стихотворение, как в молитву, которая помогла в страшный час...

...забыл, о чём речь.

А, сделал звонок. Да.

Говорю: дом хочу снять, надоело мыкаться по вашим ведомственным гостиницам, хочу обжиться, фикус перевезу из большой России.

Мне скинули номера; набрал первый же, попал на риэлтора.

Привычно удивился: война, а риэлторы всё равно существуют. Все мирные профессии в наличии, просто некоторые держатся в тени.

Риэлтор подъехал ко мне в кафе, — я там пил водку с каким-то знакомым офицером, полевым командиром, вёл разговор о том, где мне раздобыть оружия на целый батальон; тот хитрил, лукаво косился, но дал пару наводок.

Сел за руль; риэлтор показывал дорогу, я особенно не обращал внимания, куда еду; делал вид, что слушаю риэлтора, а сам думал: собрал ты, брат

мой, под триста мужиков, теперь тебе их надо накормить, потом вооружить, потом сбить в единый, чёрт, коллектив, чтоб получились такие дружные ребята, которые идут и умирают как один, если есть на то подходящий приказ.

«Вот зачем ты это сделал?»

Отвлёк меня от этих мыслей гостевой домик, куда я сам себя каким-то кривым путём, по чёрным проулкам, привёз.

А что, три комнаты, чистенько. Шкафы, посуда, вешалки. Тумбочка. Широкая кровать.

Ну-ка, ещё раз на воздух выйду. Большой двор, во дворе большой стол, мангал, рядом кран с раковиной — можно мясо жарить, овощи мыть. Справа коттедж хозяев — но у них выход на другую сторону, так что, пообещали мне (обманули), видеться мы будем редко. Коттедж основательный: отлично зарабатывали люди до войны, — но теперь живёт одна хозяйка; «...проверяла пищевую продукцию всего Донбасса», — шепнул риэлтор; муж умер, а зять — бизнесмен — уехал в Киев.

Про зятя сама сказала. Даже с некоторым вызовом.

Уехал и уехал, всё равно.

Ещё раз осмотрелся. Забор высокий. По обе стороны от нас и на другой стороне улицы — такие же коттеджи, но, судя по всему, совсем пустые: ни одного огня.

Высоток вокруг нет, выискивать в ста окнах стрелка не придётся, и на том спасибо.

До центра, как я понял, пять минут. Просто прекрасно.

«До вас тут жил тренер английской футбольной команды», — докладывала мне хозяйка; но мне и без рекомендаций предыдущего жильца уже всё понравилось, к тому же — водка внутри, грамм триста, к тому же — я только вчера вернулся в Донецк из большой России, проехав полторы тысячи километров в один заход, к тому же — я спал часа два, к тому же — холод... В общем, говорю риэлтору: не поеду другие дома смотреть, тут останусь, спать лягу прямо сейчас, уходите.

Достал из кармана стремительно худеющую пачку с тысячерублёвыми, — он распахнул портфель, вывалил готовые бланки, — я поскорей, не читая, расписался, и тут же расплатился.

Хозяйка всё норвила что-то дорассказать — я говорю: завтра, завтра.

Лёг спать, форма у кровати, пистолет (ТТ, наградной, Захарченко вручил, за проявленное) на столике. Рядом с пистолетом — мобильный.

Где-то — кажется, в районе донецкого аэропорта — жутко громыхало; хотя, может, и не там — я всё равно не очень понимал, где, посреди Донецка, улёгся, какие мои координаты.

Мне было ужасно хорошо. Начиналась новая жизнь. Новая жизнь сулила новые открытия, новые встречи, смерть. Много всего.

В невидимом мне небе хлопотала артиллерийская перестрелка.

Что за жизнь у меня, вообразить вчера было нельзя, — а сегодня в ней застрял, как дурак в болоте: так думал блаженно.

Сладко спалось.

Утром проснулся свежий, полный сил, довольный. Проспал восемь часов — по моим меркам это много. На улице — звук метлы.

Выпил чаю. Покурил один на кухне — наслаждение во всём теле не покидало меня.

Вышел на улицу. Там хозяйка ходит с метлой, что-то метёт то в одну сторону, то в другую. На самом деле — пытается на метле ко мне подъехать, хочет со мной поговорить, но ещё не знает, о чём.

Зато я знаю, что ни о чём не хочу.

Выбежала мелкая, омерзительная — какого-то гнусного окраса, как ожившая половая тряпка, — собачка, завизжала на меня. Хозяйка стала её зазывать к ноге. Имя собаки удивило: я бы так лебедь белую назвал. А она — эту визгливую тряпку.

Открыл ворота, выкатил машину на улочку, лживо переживая о собачке: как бы не задавить, — и только здесь заметил: вот так я заселился!

Слева, сто пятьдесят метров, — особняк, где живёт Батя: Александр Владимирович Захарченко, Глава Республики; а я его советник, солдат, офицер, товарищ.

Справа, двести метров, — бывшая гостиница «Прага», где определили расположение придуманному мной батальону.